

Содержание

Глава первая. Детский язык	7
I. Прислушиваюсь.....	8
II. Подражание и творчество.....	14
III. «Народная этимология».....	27
IV. Действенность.....	37
V. Завоевание грамматики.....	44
VI. Анализ языкового наследия взрослых.....	63
VII. Разоблачение штампов.....	74
VIII. Маскировка неведения.....	83
IX. Ложное истолкование слов.....	90
X. Детская речь и народ.....	104
XI. Воспитание речи.....	116
Глава вторая. Неутомимый исследователь	125
I. Поиски закономерностей.....	126
II. Полуверие.....	138
III. «Сто тысяч почему».....	144
IV. Дети о рождении.....	152
V. Ненависть к печали.....	171
VI. Дети о смерти.....	180
VII. Новая эпоха и дети.....	191
VIII. Слезы и хитрости.....	216
IX. Продолжаю прислушиваться.....	223
Глава третья. Борьба за сказку	235
I. Разговор о Мюнхаузене.....	236
II. «Акулов не бывает!».....	246
III. Пора бы поумнеть!.....	260
IV. И опять о Мюнхаузене. 1936.....	266
V. Обывательские методы критики. 1956.....	269
VI. «Противоестественно, чтобы...» 1960.....	282

Глава четвертая. Лепые нелепицы	287
I. Письмо.	288
II. Тимошка на кошке.	289
III. Тяготение ребенка к перевертышам	293
IV. Педагогическая ценность перевертышей	302
V. Предки их врагов и гонителей.	325
Глава пятая. Как дети слагают стихи	339
I. Влечение к рифме	340
II. Стиховые подхватывы.	347
III. Па и ма	358
IV. Первые стихи.	361
V. О стиховом воспитании.	388
VI. Экикики и не экикики	403
VII. Еще о стиховом воспитании	418
VIII. Прежде и теперь.	422
Глава шестая. Заповеди для детских поэтов	433
I. Учиться у народа — учиться у детей.	434
II. Образность и действенность	444
III. Музыка.	447
IV. Рифмы. — Структура стихов	450
V. Отказ от эпитетов. — Ритмика	454
VI. Игровые стихи	458
VII. Последние заповеди	464
Послесловие	471
Приложение. Признания старого сказочника	477
I. Как была написана «Муха-Цокотуха»	478
II. История моего «Айболита»	485
III	499

Последние издания этой книги я посвящал своей единственной правнучке Маше. Но Маша уже давно не единственная. Добрая моя судьба то и дело обогащает меня все новыми и новыми правнуками. Теперь у меня кроме Маши есть и Юра, и Боба, и Коля, и Андрюша, и Марина, и Митя. Каждому из них и всем вместе я посвящаю эту правдивую книгу, а также их внукам и правнукам, которые будут жить и работать в завтрашнем двадцать первом столетии.

Глава первая

ДЕТСКИЙ ЯЗЫК

*...Но всех чудес прекрасных на земле
Чудесней слово первое ребенка.*

Петр Семынин

I. Прислушиваюсь

Когда Ляле было два с половиной года, какой-то незнакомый спросил ее в шутку:
— Ты хотела бы быть моей дочкой?

Она ответила ему величаво:

— Я мамина и больше *никовой*на.

Однажды мы гуляли с ней по взморью, и она впервые в жизни увидела вдали пароход.

— Мама, мама, паровоз купается! — пылко закричала она.

Милая детская речь! Никогда не устану ей радоваться. С большим удовольствием подслушал я такой диалог:

— Мне сам папа сказал...

— Мне сама мама сказала...

— Но ведь папа *самее* мамы... Папа гораздо *самее*.

Было приятно узнавать от детей, что у лысого *голова босиком*, что от мятных лепешек во рту сквознячок, что гусеница — жена гуся, а муж стрекозы — *стрекозёл*.

И весело мне было услышать, как трехлетняя спящая девочка внезапно пробормотала во сне:

— Мама, закрой мою заднюю ногу!

И очень забавляли меня такие, например, детские речения и возгласы, подслушанные в разное время:

— Папа, смотри, как твои брюки нахмурились!

❖
— Бабушка! Ты моя лучшая любовница!

❖
— Ой, мама, какие у тебя толстопузые ноги!

❖
— Наша бабуля зарезала зимою гусей, чтоб они не простудились.

❖
— Мама, как мне жалко лошадок, что они не могут в носу ковырять.

❖
— Бабушка, ты умрешь?

— Умру.

— Тебя в яму закопают?

— Закопают.

— Глубоко?

— Глубоко.

— Вот когда я буду твою швейную машину вертеть!

❖
Жорж разрезал лопаткой дождевого червя пополам.

— Зачем ты это сделал?

— Червячку было скучно. Теперь их два. Им стало веселее.

❖
Старуха рассказала четырехлетнему внуку о страданиях Иисуса Христа: прибили Боженьку гвоздями к кресту, а Боженька, несмотря на гвозди, воскрес и вознесся.

— Надо было винтиками! — посочувствовал внук.

❖
Дедушка признался, что не умеет пеленать новорожденных.

— А как же ты пеленал бабушку, когда она была маленькая?

Девочке четырех с половиною лет прочли «Сказку о рыбаке и рыбке».

— Вот глупый старик, — возмутилась она, — просил у рыбки то новый дом, то новое корыто. Попросил бы сразу новую старуху!

— Как ты смеешь драться?

— Ах, мамочка, что же мне делать, если драка так и лезет из меня!

— Няня, что это за рай за такой?

— А это где яблоки, груши, апельсины, черешни...

— Понимаю: рай — это компот.

— Тетя, вы за тысячу рублей съели бы дохлую кошку?

Басом:

— Баба мылом морду моет!

— У бабы не морда, у бабы лицо. Пошла поглядела опять.

— Нет, все-таки немножечко морда.

— Мама, я такая *распутница!*

И показала веревочку, которую удалось ей распутать.

— Жил-был пастух, его звали Макар. И была у него дочь *Макарона*.

— Ой, мама, какая прелестная гадость!

❖
— Ну, Ньюра, довольно, не плачь!

— Я плачу не тебе, а тете Симе.

❖
— Вы и шишку польете?

— Да.

— Чтобы выросли *шишенята*?

Окончание «ята» мы, взрослые, присваиваем только живым существам: ягнята, поросята и проч. Но так как для детей и неживое живо, они пользуются этим окончанием чаще, чем мы, и от них всегда можно услышать:

— Папа, смотри, какие *вагонята* хорошенькие! Сережа двух с половиной лет — впервые увидел костер, прыщущий яркими искрами, захлопал в ладоши и крикнул:

— Огонь и огоньята! Огонь и *огонята*!

❖
— Ой, дедуля, киска чихнула!

— Почему же ты, Леночка, не сказала кошке: на здоровье?

— А кто мне скажет спасибо?

❖
Философия искусства:

— Я так много пою, что комната делается большая, красивая...

❖
— В Анапе жарко, как сесть на примус.

❖
— Ты же видишь: я вся босая!

❖
— Я встану так рано, что еще поздно будет.

❖
— Не туши огонь, а то спать не видать!

❖
Рисует цветы, а вокруг три десятка точек.

— Что это? Мухи?

— Нет, запах от цветов.

❖
— Обо что ты оцарапался?

— Об кошку.

❖
Ночью будит усталую мать:

— Мама, мама, если *добрый* лев встретит *знакомую* жирафу, он ее съест или нет?

❖
— Какой ты страшный *спун!* Чтобы сейчас было *встать!*

❖
Лялечку побрызгали духами:

Я вся такая *пахлая*.

Я вся такая *духлая*.

И вертится у зеркала.

— Я, мамочка, *красавлюсь!*

❖
— Когда же вы со мной поиграете? Папа с работы — и сейчас же за книгу. А мама — барыня какая! — сразу стирать начала.

❖
Все семейство поджидало почтальона. Он появился у самой калитки. Варя первая заметила его.

— *Почтаник, почтаник* идет! — радостно возвестила она.

Хвастают, сидя рядом на стульчиках:

— Моя бабушка ругается: черт, черт, черт.

— А моя бабушка ругается: гошподи, гошноди, гошподи, гошподи!

Юра с гордостью думал, что у него самая толстая няня. Вдруг на прогулке в парке он встретил еще более толстую.

— Эта тетя *заднее* тебя, — укоризненно сказал он своей няне.

Замечательное детское слово услышал я когда-то на даче под Питером в один пасмурный майский день.

Я зажег для детей костер. Издали солидно подползла двухлетняя соседская девочка:

— Это *всехный* огонь?

— *Всехный, всехный!* Подходи, не бойся!

Слово показалось мне таким выразительным, что в первую минуту я, помнится, был готов пожалеть, почему оно не сделалось «всехным», не вошло во «всехный» обиход и не вытеснило нашего «взрослого» слова «всеобщий».

Я как вижу уличный плакат:

ВСЕХНАЯ РАБОТА НА ВСЕХНОЙ ЗЕМЛЕ ВО ИМЯ ВСЕХНОГО СЧАСТЬЯ
--

Так же велика выразительность детского слова *сердитки*. Трехлетняя Таня, увидев морщинки на лбу у отца, указала на них пальцем и сказала:

— Я не хочу, чтобы у тебя были *сердитки!*

И что может быть экспрессивнее отличного детского слова *смеяние*, означающего многократный и длительный смех.

— Мне аж кисло во рту стало от баловства, от *смеяния*.

Трехлетняя Ната:

— Спой мне, мама, *баюльную* песню!

«*Баюльная* песня» (от глагола «баюкать») — превосходное, звучное слово, более понятное детям, чем «колыбельная песня», так как в современном быту колыбели давно уже сделались редкостью.

Повторяю: вначале эти речения детей казались мне просто забавными, но мало-помалу для меня, благодаря им, уяснились многие высокие качества детского разума.

II. Подражание и творчество

Детское чутье языка

Если бы потребовалось наиболее наглядное, внятное для всех доказательство, что каждый малолетний ребенок есть величайший умственный труженик нашей планеты, достаточно было бы приглядеться возможно внимательнее к сложной системе тех методов,

при помощи которых ему удастся в такое изумительно короткое время овладеть своим родным языком, всеми оттенками его причудливых форм, всеми тонкостями его суффиксов, приставок и флексий. Хотя это овладение речью происходит под непосредственным воздействием взрослых, все же оно кажется мне одним из величайших чудес детской психической жизни.

У двухлетних и трехлетних детей такое сильное чутье языка, что создаваемые ими слова отнюдь не кажутся калекami или уродами речи, а, напротив, очень метки, изящны, естественны: и «сердитки», и «духлая», и «красавлюсь», и «всехный».

Сплошь и рядом случается, что ребенок изобретает слова, которые уже есть в языке, но неизвестны ни ему, ни окружающим.

На моих глазах один трехлетний в Крыму, в Коктебеле, выдумал слово *пулять* и *пулял* из своего крошечного ружья с утра до ночи, даже не подозревая о том, что это слово спокон веку существует на Дону, в Воронежской и Ярославской областях. В известной повести Л. Пантелеева «Ленька Пантелеев» ярославская жительница несколько раз говорит: «Так и *пуляют*, так и *пуляют!*»

Другой ребенок (трех с половиною лет) сам додумался до слова *никчемный*.

Третий, неизвестного мне возраста, изобрел слова *обутки* и *одетки* (это было в черноморской степи под Одессой), совершенно не зная о том, что именно эти два слова точно в таком же сочетании существуют в течение столетий на севере, в Олонецком крае. Ведь не читал же он этнографических сборников Рыбникова,

записавшего некую фольклорную сказку, где были, между прочим, такие слова: «Получаю по обещанию пишу, *обутку* и *одетку*»¹.

Самая эта двучленная формула «обутка и одетка» была самостоятельно создана ребенком на основании тех языковых предпосылок, которые даны ему взрослыми.

— Ах ты, стрекоза! — сказала мать своей трехлетней Ирине.

— Я не стрекоза, а я *людь*!

Мать сначала не поняла этой «люди», но потом случайно обнаружила, что за тысячи километров, на Урале, человек издавна называется «людью». Там так и говорят:

— Ты что за *людь*?²

Таким образом, ребенок порою самостоятельно приходит к тем формам, которые создавались народом в течение многих веков.

Чудесно овладевает детский ум методами, приемами, формами народного словотворчества.

Даже те детские слова, которых нет в языке, кажутся почти существующими: они могли бы быть, и только случайно их нет. Их встречаешь как старых знакомых, как будто уже слышал их когда-то. Легко можно представить себе какой-нибудь из славянских языков, где в качестве полноправных слов существуют и *сердитки*, и *никовойный*, и *всехный*.

Или вот, например, слово *нырьба*. Ребенок создал его лишь потому, что не знал нашего взрослого слова

---

¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. III. М., 1910, с. 177.

² Даль приводит это слово как старинное (Толковый словарь, т. II. М., 1955, с. 284).

«ныряние». Купаясь в ванне, он так и сказал своей матери:

— Мама, скамандуй: «К *нырьбе* приготовиться!»

Нырьба — превосходное слово, энергичное, звонкое; я не удивился бы, если бы у какого-нибудь из славянских племен оказалось в живом обиходе слово *нырьба*, и кто скажет, что это слово чуждо языковому сознанию народа, который от слова ходить создал слово ходьба, от слова косить — косьба, от слова стрелять — стрельба и т. д.

Мне сообщили о мальчике, который сказал своей матери:

— Дай мне нитку, я буду *нанитывать* бусы.

Так осмыслил он слова «нанизывать на нитку».

Услыхав от какого-то мальчика, будто *лошада копытнула* его, я при первом удобном случае ввернул эти слова в разговор с моей маленькой дочерью. Девочка не только сразу поняла их, но даже не догадалась, что их нет в языке. Эти слова показались ей совершенно нормальными.

Да они такие и есть — порою даже «нормальнее» наших. Почему, в самом деле, ребенку говорят о лошади — *лошадка*? Ведь лошадь для ребенка огромна. Может ли он звать ее уменьшительным именем? Чувствуя всю фальшь этого уменьшительного, он делает из лошадки — *лошадку*, подчеркивая тем ее громадность. И это у него происходит не только с лошадкой: подушка для него зачастую — *подуха*, чашка — *чаха*, одуванчик — *одуван*, гребешок — *гребёх*.

— Мама, смотри, петух без *гребеха*.

— Уй, какую мы нашли *сыроегу*!

— В окне на Литейном вот такая *игруха*!

Сын профессора А. Н. Гвоздева называл большую ложку — *лога*, большую мышь — *мыха*:

— Дай другую *логу*!

— Вот какая *мыха*!

Пушку называл он — *пуха*, балалайку — *балалая*¹.

Наташа Шурчилова мамины босоножки зовет: *босоноги*.

Во всех этих случаях ребенок поступает точно так же, как поступил Маяковский, образуя от слова щенок форму *щен*:

Изо всех щенячьих сил

Нищий щен заголосил.

Неосознанное мастерство

Переинчивая наши слова, ребенок чаще всего не замечает своего словотворчества и остается в уверенности, будто правильно повторяет услышанное.

Это впервые поразило меня, когда четырехлетний мальчишка, с которым я познакомился в поезде, стал назойливо просить у меня, чтобы я позволил ему повертеть *тормозило*.

Он только что услышал слово *тормоз* и, думая, что повторяет его, приделал к нему окончание *ило*.

Это *ило* было для меня откровением: такой крохотный мальчик, а как тонко почувствовал, что здесь необходим

---

¹ А. Н. Гвоздев. Вопросы изучения детской речи (глава «Формирование у ребенка грамматического строя русского языка»). М., 1961, с. 312 и 327.

суффикс «л», показывающий орудийность, инструментальность предмета. Мальчик словно сказал себе: если то, чем шьют, называется шило, а то, чем моют, — мыло, а то, чем роют, — рыло, а то, чем молотят, — молотило, значит, то, чем тормозят, — *тормозило*.

Одно это слово свидетельствовало, что в уме у ребенка произведена такая четкая классификация суффиксов по разрядам и рубрикам, которая и для созревшего ума представляла бы немалые трудности.

И эта классификация показалась мне тем более чудесной, что сам ребенок даже не подозревает о ней.

Такое неосознанное словесное творчество — один из самых изумительных феноменов детства.

Даже те ошибки, которые нередко случается делать ребенку при этом творческом усвоении речи, свидетельствуют об огромности совершаемой его мозгом работы по координации знаний.

Хотя ребенок и не мог бы ответить, почему он называет почтальона *почтаником*, эта реконструкция слова показывает, что для ребенка практически вполне ощутима роль старорусского суффикса *ник*, который характеризует человека главным образом по его профессиональной работе — *пожарник*, *физкультурник*, *сапожник*, *колхозник*, *печник*. Называя почтальона *почтаником*, ребенок включил свой неологизм в разряд этих слов и поступил вполне правильно, потому что если тот, кто работает в саду, есть садовник, то работающий на почте есть и вправду *почтаник*. Пусть взрослые смеются над *почтаником*. Ребенок не виноват, что в грамматике не соблюдается строгая логика. Если бы наши слова были созданы по какому-нибудь одному прямолинейному принципу,

детские речения не казались бы нам такими забавными, они нередко «вернее» грамматики и «поправляют» ее.

Конечно, чтобы воспринять наш язык, ребенок в своем словотворчестве копирует взрослых. Дико было бы думать, что он в какой бы то ни было мере создает наш язык, изменяет его грамматический строй, его словарный состав.

Сам того не подозревая, он направляет все свои усилия к тому, чтобы путем аналогий усвоить созданное многими поколениями взрослых языковое богатство.

Но применяет он эти аналогии с таким мастерством, с такой чуткостью к смыслу и значению тех элементов, из которых слагается слово, что нельзя не восхищаться замечательной силой его сообразительности, внимания и памяти, проявляющейся в этой трудной повседневной работе. Малейший оттенок каждой грамматической формы угадывается ребенком с налету, и, когда ему понадобится создать (или воссоздать в своей памяти) то или иное слово, он употребляет именно этот суффикс, именно то окончание, которые по сокровенным законам родного языка необходимы для данного оттенка мысли и образа.

Когда трехлетняя Нина впервые увидела в саду червяка, она зашептала в испуге:

— Мама, мама, какой *ползук*!

И этим окончанием *ук* великолепно выразила свое паническое отношение к чудовищу. Не ползёныш, не ползушка, не ползунчик, не ползатель, а непременно *ползук*! Конечно, этот *ползук* не изобретен ребенком. Тут подражание таким словам, как *жук* и *паук*.

Но все же замечательно, что для данного корня маленький ребенок в один миг отыскал в своем арсенале